НАХОДКА.

Послѣ отечественной войны, казаки возвращались на Донъ. Много–ли ихъ пошло и много–ли пришло — это, какъ Платовъ сказалъ, домашній счетъ; но тѣмъ, которые благополучно добрались во–свояси, было о чемъ пересказать, а, можетъ, было чѣмъ и порадовать своихъ: добычи было много. Полкъ шелъ черезъ Золотоношскій уѣздъ. День былъ воскресный; казаки, по тогдашнему обычаю, брели враздробь, кучками, а отсталые, либо подгулявшіе, тянулись и попарно, и по одному.

Плетется по столбовой дорогѣ казакъ, повѣсилъ голову, и думаетъ: конечно, оно нечего сказать, плакаться грѣшно, далъ Богъ и мнѣ поживу, не стыдно будетъ домой глаза показать; однакожь, другимъ–инымъ счастье послужило еще получше... вотъ, у Маслова, хоть онъ, кажись бы, и не

то, чтобъ изъ самыхъ бойкихъ, особенно, какъ гдѣ дѣло пойдетъ въ настоящую, однакожъ, на это его пострѣла стало: у него подушка набита хорошо; и не пухъ, да мягко сидится — диво, что лошадь не подломится подъ нимъ — сѣдло, только что человѣку подъ силу поднять... и у Мухранова тожъ, червонцамъ счету нѣтъ — чай, домой пріѣдетъ, со старухой своей въ недѣлю не сосчитаютъ... посылаетъ же Господь иному человѣку такое счастье... Есть, правда, есть и у меня, да не противъ ихъ... а вотъ тутъ еще и сапожишки купить надо, обносился совсѣмъ, прибавилъ онъ, поглядывая на сапогъ: — раздѣлывать подушку для этой малости не хочется, а что при себѣ было деньжонокъ, издержалъ все, т. е. прогулялъ, ну, да нашему брату нельзя, чтобъ ину–пору не развеселить сердце не выпить, то есть... а въ этихъ сапогахъ не доѣдешь до дому — нѣтъ, ужъ совсѣмъ плохи...

Въ это время идетъ ему навстрѣчу молодой парень, который возвращался отъ обѣдни, изъ ближняго села, домой. Онъ

честно поздоровался съ казакомъ и пошелъ–было своимъ путемъ. Онъ въ это время думалъ про себя такъ: и немного бы человѣку надо, чтобъ вѣкъ прожить по людски, да по Божески, такъ и этого не откуда взять. Вотъ, еслибъ не воскресный день, такъ никто бъ меня не увидалъ въ новыхъ чоботахъ, да и то новое, потому что берегу, что въ праздникъ только обуваю, а куплены они ужъ давно. Воловъ только одна пара, а другой купить не на что; спрягаемъ съ сосѣдомъ, когда пашемъ, да за тожъ и я на него пашу — оно и тяжело, и не напашешься. А были бы у меня волы, пошелъ бы я чумаковать; повезъ бы муку, крупу, да сало въ Крымъ, а оттуда соль; а тамъ пошелъ бы на Донъ за таранью — вотъ бы и заработалъ копейку…

— Стой! закричалъ казакъ, выхвативъ саблю изъ ноженъ: — стой, да снимай скорѣе чоботы, обмѣняемся. Мужикъ глядитъ на него, ротъ разинувъ, ровно не слышитъ, что тотъ сказалъ; а казакъ, глянувъ еще разъ взадъ да впередъ по дорогѣ, нѣтъ ли кого, замахнулся на

бѣдняка саблей, да кричитъ: — изрублю всего, искрошу на мѣстѣ, снимай, говорю, сапоги, да бери мои! — «Господь съ тобою, что ты это дѣлаешь, землякъ?» взмолился хохолъ: «въ воскресный день, среди бѣлаго дня на разбой выѣзжаешь; да побойся жъ Бога и побойся людей: тутъ теперь народъ ходитъ и ѣздитъ по дорогѣ..» Какъ вытянетъ его казакъ полосой, плашмя, по спинѣ, такъ мой хохолъ тутъ же и присѣлъ на мѣстѣ, и скинулъ оба сапога въ одинъ мигъ, какъ вотъ пальцемъ кивнуть, и вскочилъ опять на ноги и подаетъ ихъ казаку; а тотъ еще кричитъ: «скорѣй! сымай, коли сымаешь!» — На, говоритъ бѣднякъ: — возьми, Господь съ тобой. Казакъ взялъ сапоги, оглянулся еще разъ кругомъ, слѣзъ и сталъ разуваться. Онъ не хотѣлъ ограбить мужика и увезти у него сапоги, а хотѣлъ только обмѣнять свои изношенные на пару новыхъ. — На, собака, подержи коня, сказалъ онъ, передавая чембуръ въ руки хохла: — да молись Богу, что не на такого напалъ: другой бы уходилъ тебя тутъ же на мѣстѣ, и кафтанъ–то снялъ

бы съ плечъ. Самъ присѣлъ, снялъ съ себя проворно сапоги, сунулъ ихъ въ руки мужика и сталъ обувать новые.

Хохолъ держитъ въ одной рукѣ поводъ коня, въ другой старые, изношенные сапоги, глядитъ на нихъ, да и думаетъ; вотъ еще, чего добраго, заставитъ меня эти сапожишки надѣть! Хорошъ же я буду, какъ въ нихъ ворочусь домой! Вѣдь меня засмѣютъ люди, и хозяйка въ глаза наплюетъ, да таки и подѣломъ; это курамъ на смѣхъ, пойти въ воскресный день къ обѣднѣ въ новыхъ сапогахъ, а воротиться вотъ въ какихъ...

— А, чтобъ тебя чортъ взялъ и съ сапогами твоими! сказалъ казакъ, и мужикъ теперь только на него оглянулся: въ торопяхъ, казакъ нашъ насилу попалъ ногой въ голенище, да пяткой прихватилъ края и завернулъ внутрь; дергаетъ, тянетъ, суетъ ногу, да не справится; и что больше торопится, то хуже.

Мужикъ мой вдругъ словно свѣтъ увидѣлъ: какъ хватитъ онъ казака его же сапогами по лбу, закричавъ: «такъ обувай

же, коли обуваешь!» да какъ вскочитъ на коня, да голыми пятками его по бедрамъ — только его и видѣли.

Казакъ вскочилъ–было да пустился за нимъ въ погоню — такъ пѣшій конному не товарищъ, а тутъ еще одинъ сапогъ надѣтъ до половины, и нога запуталась въ голенищѣ. — Стой, сдѣлай милость, стой; на, возьми свои сапоги — кричитъ казакъ, запыхавшись, выбившись изъ силъ и спотыкаясь черезъ свои же ноги; такъ не слышитъ, видно мужикъ: знай несется во весь духъ, а скоро скрылся и слѣдъ простылъ.

Казакъ, привыкшій, можетъ–статься, обижать другихъ, но не привыкшій, чтобъ его обижали, сталъ рвать на себѣ волосы и плакать и вопить, какъ по родному покойнику. И то сказать, какъ ему теперь показаться въ полкъ, безъ лошади, безо всего, и какъ отовраться передъ начальствомъ? Бѣда да и только. Сѣлъ онъ, поправилъ и надѣлъ сапогъ, да пошелъ–было степью вслѣдъ за своимъ невольнымъ обидчикомъ, такъ раздумалъ и сталъ: куда

я пойду, гдѣ я его найду? Простора на всѣ четыре стороны много, а кто былъ мужикъ этотъ и откуда, я не знаю. Подумалъ казакъ, плюнулъ, почесалъ затылокъ и воротился въ городъ.

Дорогою онъ останавливался раза два и заламывалъ руки; но страхъ и горе опять погнали его впередъ; къ начальству, подумалъ онъ, больше не къ кому идти теперь — должно быть, начальство разъищетъ.

Отъискавъ исправника, онъ принесъ жалобу, что–де сошедшись на дорогѣ съ мужикомъ, сталъ съ нимъ разговаривать, а тамъ спѣшился, да пошелъ по пути съ нимъ рядомъ, потомъ отдалъ ему поводъ лошади, отошедши на минуту въ сторону, а тотъ сѣлъ и ускакалъ. Опасаясь за такой случай большихъ непріятностей, исправникъ сталъ всѣми силами стараться отъискать виноватаго; — но прошло нѣсколько дней, всѣ разосланные съищики воротились и не нашли ничего. Казакъ не даетъ покоя исправнику, проситъ и плачетъ день и ночь, а наконецъ, въ отчаяніи, кается ему, глазъ–

на–глазъ, во всей правдѣ и обѣщаетъ тысячу рублей, только бы найти сѣдло съ подушкой: остальное пусть пропадетъ. Ему сѣдло съ подушкой дороже лошади: лошадь, говоритъ, была плохая, а сѣдло съ подушкой завѣтныя.

Протекло, однакожь, еще два дня; казакъ изъ себя выходитъ, сулитъ двѣ, три тысячи, признаваясь, что у него въ подушкѣ сѣдельной зашито было золотомъ шесть тысячъ рублей; исправникъ всѣ силы и средства употребилъ — нѣтъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Казакъ волосы рветъ на себѣ, а пособить нечѣмъ.

Вдругъ даютъ знать, что въ глухой балкѣ, въ степи, нашли казачью лошадь съ сѣдломъ, съ сумами, съ шинелью и другими вещами въ торокахъ. Исправникъ зоветъ казака, сказываетъ ему о находкѣ и говоритъ: поѣдемъ сейчасъ туда. Боже мой! казакъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости: обнимается и цалуется со всѣми, кается и проситъ прощенья, не сказывая въ чемъ — садится и ѣдетъ.

Пріѣзжаютъ на мѣсто; у моего казака духъ захватываетъ отъ страха и нетерпѣнія — спрашиваютъ сотскаго: у кого на дворѣ казачья лошадь? кому сдана на руки? — У меня, говоритъ сотскій. — Гдѣ она у тебя? выводи сейчасъ на дворъ! Казакъ бросился напередъ, вслѣдъ за сотскимъ — моя, кричитъ, она и есть. Сбрую–то давайте пожалуйста, сбрую, сѣдло съ приборомъ, то есть... Вотъ и сѣдло, и весь приборъ, и все, какъ нашли, говоритъ сотскій. — А подушка? подушка моя гдѣ? закричалъ не своимъ голосомъ казакъ, увидѣвъ голое сѣдло. — Вотъ тутъ, разбирай, сказалъ сотскій: какъ нашли, такъ и есть, все цѣло; вотъ это никакъ подушка, да только взрѣзана, вишь!

Казака почти обморокъ ошибъ на мѣстѣ. У него въ подушкѣ было золотомъ не шесть, а болѣе тридцати тысячъ рублей. Исправникъ посвисталъ, глядя на все это, пожалъ плечами, да и отошелъ. Тутъ взятки гладки! подумалъ онъ, и тотчасъ же велѣлъ подавать свою бричку.

Неподалеку отъ большой дороги, гдѣ казакъ такъ неудачно обмѣнялся сапогами, жилъ мужичокъ Охримъ, порядочный хозяинъ, но бѣдненекъ, хотя и не пьющій и работящій. Видно, однакожъ, ему помаленьку счастье послужило: вскорѣ послѣ описаннаго нами случая прикупилъ онъ парочку воловъ и сталъ хозяйничать полнымъ плугомъ; на другой годъ, не прежде, прикупилъ еще двѣ пары, продавъ напередъ выгодно пшеницу; тамъ пошелъ чумаковать и видно торговалъ хорошо, потому что года черезъ четыре сталъ отправлять въ Крымъ и на Донъ возовъ по десяти и больше. Богъ ему помогъ, и онъ вскорѣ купилъ порядочный кусокъ землицы и выбрался жить на хуторъ; а когда люди привыкли уже къ тому, что у Охрима свой хуторъ, гдѣ онъ живетъ съ сыновьями и со снохами, и съ дочерьми, и съ зятьями, то не дивились болѣе и богатству его, хоть иные и моргали усомъ, когда бывала рѣчь объ этомъ, замѣчая, что съ работы будешь горбатъ, но не будешь богатъ.

Исправникъ, о которомъ мы говорили, давно уже былъ уволенъ отъ должности и жилъ у себя дома, также на хуторѣ, который и пріобрѣлъ на службѣ, вѣроятно, также работой, по крайней мѣрѣ, онъ всегда достояніе свое называлъ трудовымъ и *благо*–пріобрѣтеннымъ. Припоминая иногда происшествіе съ казакомъ, онъ перекашивалъ ротъ, поглаживалъ подбородокъ и говорилъ про себя: «да, счастливъ твой Богъ, Охримъ, что ты богатѣлъ осторожно, понемногу, и что я ужъ болѣе не исправникъ; а теперь бы я зналъ, гдѣ искать потрохи казачьей подушки!»

А казакъ? Товарищи прозвали его, послѣ этого происшествія, чоботомъ, и онъ, за слово это, каждый разъ лѣзъ въ драку, очертя голову. Говорятъ, онъ подъ конецъ едва–ли не сошелъ съ ума.